

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)

**Миграции и диаспоры
в социокультурном, политическом
и экономическом пространстве Сибири
Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков**

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Иркутск
Отгиск
2010

ББК С55.33(2Р5) + ТЗ(2Р5)-1
УДК 316.346(571)(091)
М 57

Издание выполнено в рамках проекта «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI века». Проект реализуется на базе научно-образовательного центра «Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете» (НОЦ «МИОН при ИГУ») в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме: «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук» и программы институционального развития НОЦ «МИОН при ИГУ». Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт №. 02.740.11.0347

Научный редактор

В.И. Дятлов

доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н.Г. Галеткина, К.В. Григоричев, Д.В. Козлов (руководитель проекта),
И.В. Нам, А.В. Ремнев, Н.П. Рыжова

Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск : Оттиск, 2010. – 640 с.

Этот проблемный сборник посвящен сравнительному анализу роли этномиграционных процессов в формировании переселенческого общества Сибири, понимаемой как исторически формирующаяся культурная провинция. Ставится задача сравнить ситуации рубежей XIX–XX и XX–XXI веков. Рассматриваются проблемы государственной политики и управления этномиграционными процессами, воздействие миграций на расселенческую структуру, модели экономического поведения и адаптационных практик мигрантов, механизмы и динамика диаспоростроительства, формирование фобий и стереотипов как одной из реакций принимающего общества на присутствие мигрантов, идеологический и политический аспекты проблемы соотечественников.

Проблемный сборник предназначен для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93219-270-2

© Коллектив авторов, 2010

© МИОН при ИГУ, 2010

Оглавление

Предисловие	7
Раздел 1. Позднеимперская Сибирь: государственная политика и государственное управление этномиграционными процессами	15
А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов	17
М.К. Чуркин «Ситуация риска» как фактор формирования и реализации миграционного потенциала земледельческого населения европейской части России во второй половине XIX – начале XX в.	65
П.П. Вибе Влияние германофобских настроений на переселенческую политику в Сибири на рубеже XIX – XX вв.	77
Е.А. Хорзов Исследование членами Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества миграционного движения в Западную Сибирь и адаптации переселенцев в принимающем обществе.....	98
Раздел 2. Демографические, миграционные процессы и система расселения	113
А.Н. Алексеенко Внутренние миграции в Казахстане и проблема формирования «нового» городского пространства.....	115
А.С. Бреславский Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ.....	132
К.В. Григоричев «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации	156

**Раздел 1. Позднеимперская Сибирь:
государственная политика и государственное
управление этномиграционными процессами**

Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов

В данной статье речь идет не о социально-экономическом аспекте аграрных миграций крестьян (о чем существует огромная литература), а о теоретических конструкциях империи, которая находилась в поиске национальной консолидации «единой и неделимой» России². Аграрное движение русских крестьян на новые земли с рубежа XIX — начала XX в. стало осознаться задачей первостепенной государственной важности. Все это позволяло современникам, а затем и историкам интерпретировать миграционные процессы как естественное расселение русских, не упуская из имперских и национальных мотивов того, что область колонизации «расширялась вместе с государственной территорией»³. Идеологического обоснования требовала не только внешняя экспансия империи, но и ее собственная гигантская территория, которая нуждалась во «внутренней геополитике» как интеллектуальном поле взаимодействия политических практик, презентаций и репрезентаций, а в имперскую и национальную риторику сверх решения социально-экономических задач были широко включены культуртрегерские мотивы⁴. Своего рода «духовный комплекс» и циркуляция не только материальных, но и символических ресурсов, «образов жизни», вписанных в ментальную географию и социокультурный ландшафт осваиваемого и присваиваемого «внутреннего геополитического пространства»⁵.

Новейшие исследования истории Азиатской России указывают на доминирующую роль государства в освоении Сибири и сопредельных территорий, преодолевая тем самым жесткую схему противополо-

¹ Ремнев Анатолий Викторович, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; Суворова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

² Разработка этой темы была начата в наших статьях: «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157-222; «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // *Исторические записки*. М., 2008. Т. 11 (129). С. 132-179.

³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. I. С. 31.

⁴ Rieber A. *Colonizing Eurasia // Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / Ed. by Nicholas Breyfogle, Abby Schrader, Willard Sunderland*. Routledge, 2007. P. 269, 272.

⁵ Бабков А. Иконографический подход в работах французских геополитиков // *Власть*. 2010. № 7. С. 69-73.

ставления «вольнонародной» и «правительственной» колонизации¹. Отказавшись от колониальной и даже промежуточной и неясной по смыслу ленинской категории «колония в экономическом смысле», современное сибиреведение (за исключением нарратива некоторых национально ориентированных историков) предпочитает оперировать терминами «фронтир»², «пограничье», «сибирский плавильный котел» и даже «Дикий Восток»³, исследуя типологические сходства и различия американского и сибирского колониационного опыта⁴. Теории «внутренней колонизации»⁵ империи противостоит более агрессивная концепция «внутреннего колониализма»⁶, у которой, видимо, есть если не научное, то политическое будущее.

Геополитические координаты «внутренней колонизации»

Зауральские территории империи оказались включенными в широкий геополитический дискурс: «Европа – Россия – Азия», составляющей частью которого было новое прочтение деления России на европейскую и азиатскую части, цивилизационная ответственность Российской империи за военное, хозяйственное и науч-

¹ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009.

² О том, что в схожем направлении шли рассуждения и российских историков периода империи, писал М. Бассин – Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Space // Journal of modern history, 65 (September 1993). См. также: Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. 2002. № 6; Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997; Замятина Н.Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002, 2003. Вып. 2,3; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск. 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005 и др. Критический взгляд на использование теории фронтира применительно к Сибири см. рецензию Б.М. Шпотова в журнале «Новая и Новейшая история» (2004. № 2. С. 208–211).

³ The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East // Ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005; Eva-Maria Stolberg. Siberia - Russia's Wild East. Some Notes about Frontierism, 1890–1915 // Сайт «Сибирская заимка».

⁴ Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.

⁵ Эткнд А. Бремя бритого человека, или внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1.

⁶ Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000. Вместе с тем следует отметить нарастание колониального дискурса и использования понятия «внутреннего колониализма» для описания современной (с историческими ретроспективами в имперское прошлое) российской ситуации отношений центра и регионов. См. напр.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия – 7. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. Т. 3; Фадеечева М. Урал в системе «внутреннего колониализма» // Свободная мысль. 2007. № 6.

ное завоевание Азии, ее просвещение и даже расширение Европы¹. За изменениями политико-административной карты империи уже виделся целенаправленный процесс ее внутреннего национального устройства. Российские имперские идеологи демонстративно отказывались от употребления в отношении азиатских окраин термина «колония», подчеркивая тем самым непохожесть России на европейские колониальные империи². Основным ее отличием от западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит, а наличие свободных земель внутри империи сможет служить альтернативой эмиграции и позволит избежать угрозы окончательно потерять часть своего населения. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало предпосылки для внутреннего расширения ареала расселения русских.

Еще в начале XIX в. известный ученый и публицист Н.И. Надеждин заметил, как к «основному ядру» империи, где «география имеет чисто Русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются в Азии и Северной Америке новые земли. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П.А. Словцов в то же время рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал. Сотрудник российского посольства в Китае Ф.Ф. Вигель писал в 1805 г., что Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти. Влиятельный военный эксперт М.И. Венюков вслед за ними видел в крестьянском переселении основу прочного закрепления азиатских окраин за Россией. Мало было достигнуть «естественных границ» и включить территорию и народы в имперское пространство, нужно было еще сделать их неотъемлемой частью государства, а этого нельзя достичь без крестьянской колонизации, которая, казалось, только и сможет обеспечить «прочный покой» на новых землях³. Н.Я. Данилевский в своем знаменитом труде «Россия и Европа» утверждал, что процесс русской колонизации можно представить растянутым во времени, поэтапным «расселением русского племе-

¹ См.: Hauner M. What is Asia to Us? Boston, 1990; Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. V. 96. No 3; Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geography // Slavic Review. Spring 1991. Vol. 50. No 1.

² Обсуждение этой темы см.: Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее ведомство, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917). М., 2010. С. 105-149; Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Колониализм без Министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Там же. С. 150-181.

³ Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 114-115.

ни», что не создавало колоний западноевропейского типа, а лишь расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российского государства, считал он, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия»¹.

Видный российский географ, имевший тесные контакты с правительственными и военными кругами, П.П. Семенов (будущий Тянь-Шанский) в связи с 300-летним юбилеем присоединения Сибири к России прямо ставил вопрос: а было ли движение в Сибирь случайным «или неотразимым последствием естественного роста русского народа и русского государства»? В ответе на него он стремился преодолеть уже обозначившееся противопоставление вольно-народного переселения и правительственной колонизации, постарался связать в единый процесс формирование русской нации и Русской земли с имперским государственным расширением. Таким образом, в концепции Семенова соединяются идеи «исторического призвания» русского народа, установления «естественных границ» и складывания русской национальной территории. Сибирский вопрос погружался им в широкий цивилизационный контекст, детерминированный естественно-географическими и историческими факторами. Это была, по сути, новая геополитическая конструкция внутреннего пространства Российской империи. Западная Сибирь «сделалась более русской страной, чем многие из наших восточных губерний», — констатировал видный российский географ. Колонизация же Восточной Сибири, где сохраняются значительные инородческие территориальные анклавы, впереди, и успех ее будет зависеть от развития путей сообщения; в степных областях русские уже заняли большую часть оазисов и предгорьев. Вместе с тем, утверждал он, крестьянин в Азии не утратил «дорогих для русского патриота черт русской народности, а напротив, развил их». «Даже тогда, когда население достигнет 16–20 млн человек, разовьется своя промышленность, будут проведены реформы, — заключал ученый, — русские в Сибири будут играть роль «не отдельного организма, а только вытянутой конечности русского государственного организма...»²

П.П. Семенов усматривал в этом не просто рост имперской территории, а осуществление грандиозного геополитического проекта, когда в результате русской колонизации происходит смещение на

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 485–486.

² Семенов П.П. Речь по поводу 300-летия Сибири, читанная в заседании ИРГО 8 декабря 1881 года. СПб., 1882. С. 19–20, 28.

восток этнографической границы между Европой и Азией¹. Позднее, применительно к Сибири, он будет употреблять не только определение «Азиатская Россия», но и «Европейская Азия»². У Д.И. Менделеева, который также мыслил геополитически, имелся схожий сценарий, в котором Россия «назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира». Деление на Европейскую и Азиатскую Россию он считал искусственным уже в силу единства «русского народа (великороссы, малороссы и белорусы)»³. Будущий евразиец Г.В. Вернадский видел в этом историческое предназначение восточно-славянских племен, которые в силу своего географического положения двинулись на восток, тогда как западно-германские племена пошли на запад. И это движение на рубеже XVIII–XIX вв. сомкнулось на границе Аляски и Канады⁴.

Научные концепции и прогнозы активно включались в имперский дискурс и использовались для обоснования военных и политических планов. Военная наука выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в миграционные процессы для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на азиатских окраинах. Военный министр А.Н. Куропаткин рассуждал в этой связи о колонизационных задачах в национальных категориях. Территория восточнее Волги была им разделена на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны «краем великорусским и православным», то в третьем районе, который тоже уже стал русским, этот процесс еще не завершился и представляет серьезные опасения в Амурской и Приморской областях ввиду усиливающейся миграции китайцев и корейцев. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал А.Н. Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенно восточ-

¹ Семенов П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Изв. ИРГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354.

² Государственный совет. Стенографические отчеты, сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. Стб. 1398.

³ Менделеев Д.И. О карте России // Менделеев. Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 181–182.

⁴ Вернадский Г.В. О движении русских на восток // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 52.

ных ее местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях¹.

Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании 1895 г., в свою очередь, указывал на русскую колонизацию, как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные и культурные различия². Поэтому нужно снять административные преграды движению крестьян за Урал, так как это может нанести ущерб «великой задаче ближайшего объединения наших Азиатских владений с Европейскою Россиею», — доказывал видный государственный деятель и воспитатель будущего императора Николая II. Был и еще один аргумент, который выдвигал Н.Х. Бунге, — «возможному напору желтой расы надлежит противопоставить в Сибири культурную силу русского народа, стойко охранявшего целостность государства на всех других его окраинах»³. Они должны были стать непреодолимым оборонительным рубежом на Дальнем Востоке от «желтой опасности», а в Центральной Азии от поползновений «фанатичного мусульманства». В связи с масштабным железнодорожным строительством в Сибири министр финансов С.Ю. Витте прогнозировал изменение геополитического пространства внутри самой империи, традиционно отмечая историческое значение «великой колонизаторской способности русского народа». Именно русский крестьянин-переселенец, по его мнению, изменит цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал — в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги»⁴.

Глава правительства П.А. Столыпин стремился включить в национальную политику охрану земель на востоке империи от захвата иностранцами, подчинить русской власти сопредельные с Китаем малонаселенные местности, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа»⁵. Констатируя начало массового движения крестьян за Урал (рост в 1907 г. почти в три раза по сравнению с предыдущим годом) главноуправляющий Землеустройством и Земледелием кн. Б.А. Васильчиков призывал переменить «переселение» на «заселение». На первый план он выдвинул уже не столько аграрные или даже со-

¹ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55-75.

² Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 1. С. 211.

³ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 199. Л. 44.

⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

⁵ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 113.

циальные меры, сколько задачи геополитические и национальные. Это было следствием «пробуждения» Китая и поражения России в войне с Японией. Правительственное внимание переключилось на дальневосточные области и Забайкалье, которые в предшествующий период часто описывались как «забытые». «Эта богатая пустыня непосредственно граничит с такими перенаселенными странами и государствами, как Китай и Япония, — напомнил он депутатам Государственной думы, — и мы уже имеем определенные данные о тех мероприятиях, которые так называемый «дремлющий Китай» принимает для заселения смежных с нами областей»¹.

Глобальные геополитические конструкции волновали и захватывали умы, и уже главноуправляющий Землеустройства и Земледелия А.В. Кривошеин, которого именовали «министром Азиатской России», целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России». В интервью французской газете «Figaro» (1911. 4 февр.) он разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи». А для переселенческого чиновника и писателя В.Л. Дедлова крестьянское переселение рубежа XIX–XX вв. — это русский массив, вытянувшийся вдоль Сибирского тракта и представляющий собой «клин, который вбивает Россия в Сибирь»².

Институциональные сдвиги конца XIX — начала XX в.: государство и общество в переселенческом деле

Поворот в переселенческой политике наметился на рубеже 1870–1880-х гг. и был обусловлен не только фактором растущего крестьянского малоземелья в Европейской России, а затем масштабного голода 1891 г., но и последствиями демографического роста, когда стало ясно, что естественный прирост перекрывает местные потребности в трудовых ресурсах. Это снизило давление на правительство со стороны аграриев, а российская промышленность все еще не была готова поглотить избыточное деревенское население. Строительство же Транссибирской магистрали значительно упростило задачу транспортировки переселенцев. Заселение восточных окраин открывало возможности не столько снизить социальное давление, грозившее политическими катаклизмами, сколько начать

¹ Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. № 2. С. 419.

² Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири: худож. публицистика. М., 2008. С. 341.

экономическое освоение новых территорий, а также добиться большей политической и социокультурной консолидации империи. Все это не могло не повлечь за собой институциональных изменений, и империя должна была поменять «правила игры» в отношении Азиатской России.

Особый статус азиатских окраин сохранялся вплоть до конца имперского периода благодаря наличию специального законодательства, регламентирующего их управления, а также наличия генерал-губернаторской власти на большей части Азиатской России. Упразднение в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства хотя и означало постепенную унификацию управления, но все же сохраняло существенные отличия в организации административных и судебных учреждений. С началом массового переселения была создана (и даже с некоторым запозданием) дополнительная ведомственно-административная сеть, не всегда совпадающая с обычным административно-территориальным делением, со своей вертикалью власти, плохо встроеной в губернскую (или областную) структуру управления, порождая новые формы сотрудничества и конкуренции. На административной карте азиатских окраин появились переселенческие районы и переселенческие участки, имевшие значительную административную, а главное, — финансовую автономию. Переселенческие чиновники не просто принадлежали другому ведомству, позиции которого в Петербурге заметно усилились, и внесли новый стиль управления крестьянским населением, будучи не только ориентированы на помощь переселенцам, ставших объектом их целевого попечительства, но обладали специальным технократическим ресурсом и достаточно широким научным взглядом. Выделение переселения в особую отрасль управления означало как административную специализацию, так и свидетельствовало о сдвиге восприятия миграционных процессов в сторону того, что можно определить термином «колонизация». Термины «переселение» и «колонизация» нередко смешивались, хотя за первым был закреплён аграрный приоритет решения социальных задач крестьянства, тогда как во втором — доминирующую роль играли политические интересы государства. «У нас есть переселенческая политика, но нам нужна политика колониционная», — призывал один видных деятелей колониционного дела Г.К. Гинс¹. «Переселение» в таком случае чаще всего предполагало наличие естественного миграционного потенциала у населения, стремившегося решить свои частные проблемы. «Колонизация» же была связана в большей степени с имперской политикой и искусственными мерами регуляции переселенческих потоков. Она была направлена не только на удер-

¹ Гинс Г.К. Переселение и колонизация. Б.м., б.г. С. 28.

жание завоеванных территорий, но, главным образом, на расширение пространства самой «Русской земли». Вместе с тем, как заметил один из имперских экспертов по Дальнему Востоку полковник Генерального штаба Л.М. Болховитинов, военно-политические задачи укрепления восточных границ и выселение из Европейской России малоземельных крестьян, чтобы заселить «окраинные пустыри», привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением»¹.

В институциональном плане это означало формирование специального комплекса переселенческих законов и нормативных актов, создание новых учреждений и штата чиновников. Ведомственная неопределенность руководства колонизацией, рассредоточенного между Министерством внутренних дел, Министерством земледелия и государственных имуществ и местной администрацией в лице крестьянских начальников, получила новую организацию на самом высоком уровне в Комитете Сибирской железной дороги (КСЖД) под председательством наследника престола, а затем императора Николая II². Последнее подчеркивало то, что крестьянское движение стало не только делом государственным, но и царским. Это был сигнал бюрократическому аппарату, а также важный идеологический ход в рамках новой парадигмы «народного самодержавия». В ведении КСЖД (1892–1903 гг.) оказался весь комплекс проблем, связанных с колонизацией российских территорий за Уралом, а также арендованных империей территорий в Маньчжурии и на Лядунском полуострове (КВЖД и Квантунская область). В 1896 г. в структуре МВД появилось Переселенческое управление, которое в 1905 г. было передано в Главное управление Землеустройства и Земледелия (преобразованное в 1915 г. в Министерство земледелия). «Из скромного Переселенческого отделения при Земском Отделе, – констатировали в высших правительственных кругах, – в несколько лет развилось учреждение, которое по обилию и разнообразию дела правильнее было бы назвать старинным именем «Сибирского Приказа»³. Именно оно могло наибольшим основанием претендовать на роль «прото-министерства», как отмечает В. Сандерланд, но не «колоний», а «колонизации». Для Приамурского края, что обуславливалось военно-стратегическими причинами и требованиями максимальной концентрации действий центральной и местной администрации в реализации демографической политики, был создан

¹ Болховитинов Л.М. Колонизаторы Дальнего Востока // Великая Россия: сб. статей по военным и общественным вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 222.

² О Комитете Сибирской железной дороги см.: Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи второй половины XIX – начала XX в. М., 2010. С. 293–307.

³ Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 11.

Комитет по заселению Дальнего Востока, который возглавил глава правительства¹.

Хотя и не удалось добиться полной централизации в управлении миграционными процессами, эффективность действий правительства заметно повысилась. При главноуправляющем ГУЗиЗ А.В. Кривошеине лидирующая роль среди центральных ведомств перешла к этому учреждению, «которое стало фокусом культурной работы всего государства»². «Министр земледелия был, в силу руководства им Переселенческим управлением, «министром Азиатской России»; в круг его деятельности входили не только нормальные обязанности земства, в Сибири не существовавшего, но и ряд сходных, как открытие школ, больниц, церквей, помощь «водворяемым» земледельческими орудиями, строительными материалами и пр. <...> Кроме этой местной работы, Кривошеин, посредством Переселенческого управления, принял активное участие в разработке проектов постройки железных дорог между азиатскими областями, необходимых для земледельческого и промышленного развития Азиатской России, а, главное, оказал энергичное воздействие на их реализацию»³. Этот институциональный процесс был прерван начавшейся Первой мировой войной, хотя, как известно, П.А. Столыпин проектировал создание особого «Министерства по переселению»⁴.

Колонизационная тема оказалась внутри нескольких пересекающихся дискурсов: социального, национального и конфессионального. Казалось, что переселенческое движение крестьян на азиатские территории Российской империи открывает возможности для сотрудничества власти и общества, империи и народа. Председатель Общеземской организации кн. Г.Е. Львов открыто заявил в 1907 г., солидаризируясь с геополитической трактовкой миграционных процессов, предложенной имперскими властями: «Всем ясно, какое громадное государственное значение приобрела именно теперь правильная усиленная колонизация отдаленных восточных окраин Империи. Всем ясно, какое громадное значение получило правильное выселение избытка населения из центра. Переселенцы — не лишние люди, до которых нам нет дела. Они разрешают и на них возлагаются великие задачи. Они должны установить на окраинах тесную связь общих интересов со своей родиной-метрополией, должны сохранить связь с ее культурой и жить одною с ней жизнью.

¹ Подробнее см.: Ремнев А.В. Комитет по заселению Дальнего Востока (1909-1915 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 140-149.

² Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 105.

³ Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 132.

⁴ Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М., 2002. С. 93.

Одни они могут слить в единое целое далекие окраины наши с отчизной, сплотить их внутренней связью с родиной»¹. И уже земские переселенческие съезды провозглашали, что «степные области Средне-Азиатской России» очень подходят для выходцев из Малороссии, необходимо ускорить для них землеотводные и ирригационные работы в Семиреченской и Сырдарьинской областях, начать строительство железной дороги Ташкент–Верный–Транссиб, подъездных путей к Сибирской магистрали и т. п.².

Между тем постановка управления переселенческим движением и меры по хозяйственному устройству переселенцев вызывали острую критику не только в части технической организации и финансовой поддержки, но затрагивали куда более важные социальные и культурные аспекты. Не случайно проблемы переселения были одними из наиболее дебатированных в Государственной думе³.

Переселенческое дело объединило чиновников и земства в районах выселения, а за Уралом различные общественные и научные организации, и даже лиц с так называемым «предосудительным формуляром» — политических противников самодержавия. Многие ссыльные революционеры-народники были вовлечены (прежде всего, через отделения Русского географического общества и статистические комитеты) в этнографические и миграционные исследования, оказались востребованы администрацией как научные консультанты. Особую позицию в референтном сообществе занимали сибирские областники и формирующая национальная интеллигенция народов Сибири. Переселенческие чиновники, к которым переходит лидерство в осмыслении социально-экономических задач империи на окраинах, рассуждали в рамках усвоенной ими цивилизационной миссии России в Азии. Это позволяло им в колониальном деле найти компромисс между государственной службой и народническими идеалами, которые они распространяли не только на все еще «отсталых» русских крестьян, но и туземцев. При этом имперская администрация и народнически настроенные интеллигенты (нередко соединявшиеся в лице крестьянских или переселенческих чиновников, врачей и учителей) сходились в том, что кочевники хотя и являются народом «полу-диким», но способным к развитию, а соседство с русскими станет важным стимулом для их «культуризации».

¹ Доклад земским собраниям председателя Общеземской организации кн. Львова об участии Общеземской организации в переселенческом деле // Вопросы колонизации. [1908]. № 2. С. 408.

² Первый областной переселенческий съезд в г. Харькове // Там же. [1908]. № 2. С. 403.

³ Воцинин В.П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва: итоги и перспективы. СПб., 1912; Муганский В. Вопросы колонизации в четвертой Государственной думе // Вопросы колонизации. 1913. Вып. 13.

Колонизация азиатских окраин и курс на «слияние»

Азиатские регионы империи начала XX века можно ранжировать по степени их интегрированности в имперское пространство: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Оренбургский край, Степной край и Туркестан. Существовало понимание, что колонизационный проект «обрусения» не мог быть одинаково эффективен для всех восточных окраин. Так, Р.А. Фадеев считал исторически успешным заселение русскими Новороссии, Поволжья, Приуралья, Сибири, северного Предкавказья, но был менее оптимистичен в отношении Закавказья и Туркестана, которые «не могут уже вместить такой массы пришлого русского населения, чтобы обратиться этнографически в Россию; они останутся очень надолго русскими владениями в Азии, со всеми неизбежными условиями такого владения»¹.

Российская империя имела несколько своих «Востоков»: своеобразный «внутренний» Восток – татаро-башкирское Поволжье уже, казалось, прочно включенное в политическое и социокультурное пространство России, но сохранявшее мусульманское обличье; Сибирь, которая воспринималась, скорее, как Север, хотя и сохранившая некоторые азиатские черты, но уже превратившаяся в российскую (и даже «русскую») «внутреннюю периферию»; Дальний Восток – также ставший «Русской землей», но все еще далекой и вызывающей опасения из-за своего коммуникативного отрыва от «коренной России» и наличия опасных иностранных конкурентов; Степной край – пока еще «азиатский», но не обладающий классическими «восточными» чертами, а местные кочевники, скорее, «полудикие», чем поглощенные мусульманской культурой, нуждаются в русской цивилизации, способные ее принять уже в силу своей природной чистоты, окончательно незамутненной «мусульманским фанатизмом»; средне-азиатские «владения» – которые, казалось бы, наиболее были схожи с колониями европейских держав, но и там империя надеялась создать «Русский Туркестан», а среди местного населения распространить понятия и ценности «русского гражданства».

Этот процесс изначально был представлен как просвещенческая идея, направленная на преодоление цивилизационного разрыва статической дихотомии между «образованными» народами и народами «дикими», на приведение туземцев в «людскость» через приобщение к оседлой жизни и земледелию, а затем и к христи-

¹ Фадеев Р.А. Записка об управлении азиатскими окраинами // Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 276.

анству¹. Эта идея претерпела известную трансформацию в рамках эволюционной концепции стадийного перехода от «варварства» к «цивилизации» и «гражданству», когда терминологически «иноземцев» сменили «иноверцы» и «инородцы», обещавшие превратиться в «национальные меньшинства» и «малочисленные народы»². Заселение азиатских окраин русскими стало частью формирующегося национального дискурса, включившего в описание «русского дела» понятийный ряд: «мирное завоевание», «оживление» окраин, «водворение русской гражданственности», а чаще всего «обрусение». Таким образом, в центре внимания экспертов оказалось русское население³, движение которого на восток рассматривалось как колониционная задача территориальной и национальной консолидации империи.

Это был новый национальный проект объединения народов и территорий империи посредством русской культуры и модернизационных институтов. Создание «большой русской нации»⁴, как политической целостности, представлялось идеологу «обрусения» России М.Н. Каткову главной ценностью. Политическим смыслом российского движения в Азии, как утверждал М.Н. Катков в полемике со своими оппонентами, является то, что, размещаясь между инородцами, «русские поселки втягивают их в строй нашей жизни, мирят их с русской властью, и вскоре дают им оценить все выгоды находиться под сенью русского могущества»⁵. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами, которые призваны со временем «слиться» с ним.

В этих теоретических построениях, важно подчеркнуть, историки, географы, востоковеды и этнографы не ограничивались демографическими описаниями миграционных процессов или правитель-

¹ Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 216-217.

² Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 90; Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 126-150.

³ Определение «русские» на азиатских окраинах оставалось дискурсивным, могло включать не только великороссов, но также украинцев и белорусов, не ограничиваясь принадлежностью к православия, а нередко широко трактовалось как синоним «русского гражданства».

⁴ О концепте «большой русской нации» см.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31-41; Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

⁵ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1897. С. 427.

ственной политики, а с воодушевлением отмечали, что «...Сибирь понемногу принимает облик русской земли», а «по мере того, как за Камень начинает вливаться русское население, Сибирь — колония постепенно все дальше отступает на восток перед Сибирью — частью Московского государства»¹. Еще генерал-губернатор Н.Н. Муравьев напутствовал отправляемых на Амур поселенцев: «С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...»² Возвращавшемуся с Дальнего Востока в 1854 г. через Сибирь в Россию после морского путешествия писателю И.А. Гончарову уже Якутск показался столь родным, что он записал: «Нужды нет, что якуты населяют город, а все же мне стало отраднo, когда я въехал в кучу почерневших от времени одноэтажных деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь!» Известный путешественник и географ Н.М. Пржевальский во время поездки по Уссурийскому краю в 1867—1869 гг. с удовлетворением отмечал, что крестьяне принесли с собою «на далекую чужбину» родные им привычки, поверья, приметы, что они уже быстро перестают тосковать по родине, заявляя: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст Бог пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем»³. Даже каторжане Сахалина могли заявить: «Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет»⁴. Известный востоковед В.П. Васильев в программной статье «Восток и Запад», опубликованной в 1882 г. в первом номере газеты «Восточное обозрение», призывал перестать смотреть на русских, как на пришельцев в Сибирь, заявляя, что «мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами»⁵.

Российская империя не хотела выглядеть колониальной. Дело заключалось не только в стремлении дистанцироваться от европейских колониальных держав, от их корыстной экономической политики, демонстративного расового и культурного превосходства над туземцами, что плохо сочеталось с довольно распространенными просвещенческими и народническими идеалами в российской ин-

¹ Вернадский Г. Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 64.

² Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 173.

³ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869. М., 1947. С. 70.

⁴ Миролюбов (Ювачев) И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 214.

⁵ Васильев В.П. Восток и Запад // Восточное обозрение. 1882. 1 апр.

теллектуальной среде. В отличие от западной колониальной сегрегации, проводимой европейскими национальными государствами, в России, где процесс национального и имперского строительства шел почти одновременно, курс на интеграцию народов через их «цивилизацию» делал расовую теорию почти невостребованной и выводил за поле государственного и общественного внимания¹. Термины «колония» и «колониальная политика» оставались по преимуществу оценочными, как несправедливые и эксплуататорские, впрочем, не отрицая, что и европейская колониальная политика не ограничивалась только полицейским режимом, репрессивной политикой и экономическим ограблением. Вооруженные западными теориями «цивилизации» и «прогресса» российские интеллектуалы (особенно те из них, кто готов был идти на сотрудничество с властью) надеялись не только отказаться от оценок собственных действий как эксплуататорских и несправедливых, но и добиться преодоления «отсталости» азиатских народов (как, впрочем, и самих русских крестьян). Но существовало еще и ожидание, что отказ от «колониальности» снизит потенциал национально-освободительного движения и сепаратизма. Империя надеялась, что ей удастся найти бесконфликтный вариант «слияния» народов в одном государственном сообществе, объединив население чувствами династической преданности, официального патриотизма, русского (российского) национального гражданства и приверженности к русской культуре и языку. В случае Сибири, Дальнего Востока и даже Степного края это был вполне реальный шанс превратить их в «русскую национальную территорию». Поглощение окраин, таким образом, могло быть представлено как постепенное расширение национального русского ядра не только за счет сплошного национально-демографического поглощения, но и создания островков «Русского мира» в стратегических зонах Азии.

Насколько популярен был такой взгляд, могут свидетельствовать, к примеру, рассуждения чиновника А.И. Термена, служившего в Туркестане, а затем в Забайкалье: «Основную задачу правительства по отношению к инородцам представляет: плотное единение инородцев с коренной Россией посредством общей культуры и тесно связанных экономических интересов. Этим достигается политическое объединение и на окраинах создается плотность, которая в силах противостоять наступающим извне элементам...»² Расовое

¹ Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 14–41. См. несколько иную точку зрения: Могильнер М. *Ното империи. История физической антропологии в России*. М., 2008.

² Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 128.

смешение, происходившее на азиатских окраинах, явно не смущало А.И. Термена, без сомнения, считавшего себя национально русским. И таких, как он, было немало среди тех, кто проповедовал расширительное понимание «русскости» как национальности общекультурной и гражданской. Потому что, как он доказывал, это привычный процесс в истории русского народа, для которого нет предела «чистой крови» и «помеси». «Не выработало ли смешение всех живших на этом пространстве разнородных элементов тот здоровый средний русский тип, — вопрошал он, — который является олицетворением всего «чисто национального русского», который, расширив пределы «матушки России», поглощая, продолжал подчинять себе соседних инородцев?» Теперь только следует продолжить эту деятельность целенаправленно. «Так же, как и до сих пор вошедшие в состав инородные элементы не помешали этому среднему русскому типу по духу и по взглядам считать себя «чисто русским», и создать нынешнюю коренную Россию, так же и дальнейшее восприятие инородческой крови нисколько не помешает потомкам считать себя чисто русскими, если только полученное ими за это время воспитание и материальные интересы сроднят их с массою русского элемента»¹. При этом он был уверен, что последнее куда важнее, нежели язык и национальность, понимаемые как категории этничности. Поэтому так важны в этом деле прежде всего школа и церковь, которые направят инородцев в «русскую колею» и не позволят самим русским «одичать» в Сибири и сделаться народом поистине культурным. Особую роль он отводил священнику-миссионеру, который как воин на поприще духовном должен блюсти «духовные интересы государства», получив от правительства «директиву». Призыв в армию инородцев также будет работать в этом направлении, надо только направить их на службу во внутренние губернии России.

«Чужая земля» как своя

На протяжении XIX столетия можно наблюдать процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака». Из страны «незнаемой» и «виноватой», места ссылки и каторги она превращается в привлекательный, богатый землей край². Одновременно шло ментальное освоение нового пространства и присвоение его, как «Русской земли». Понятие «наше», отмечает К. Вейс, которое глубоко укоренилось в русском сознании, является ключевым элементом как для понимания структуры Российской империи,

¹ Там же. С. 132-133.

² См.: Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006.

так и для присоединения к России окраин, в особенности Сибири¹. Устроившись на новых землях, переселенцы предложили свои методы их символического закрепления. Главными маркерами, обозначившими «Русскую землю», служили православные церкви, пашни, русские села с кладбищами, над которыми, как и над церквями, возвышались кресты. Еще одним показателем «обрусения» колонизируемой территории становилась русская топонимия.

По мере административного и народонаселенческого «уплотнения» карты Азиатской России, на ней появляются и новые названия. Путешествующий по Амуру по заданию Морского министерства в 1860 г. известный этнограф С.В. Максимов обратил внимание на способность русских казаков и крестьян давать свои названия географическим объектам. Он писал, что пройдет не так много времени и они все здесь «окрестят»². Название географического объекта становилось важным фактором его последующего описания и восприятия окружающими как части культурного ландшафта. Таким образом, формировался новый культурный контекст, наполненный заданными смыслами, которые могли быть прочитаны как национальные. Если первоначально процедура номинаций была своего рода «заявительной», то затем она становится «разрешительной» (не обязательно через официальное согласование, но и путем негласной конвенции) и, наконец, рекомендательной и директивной³. На начальном этапе, во многом благодаря народной инициативе, ойконимы чаще всего были связаны с гидронимами или именами первооснователей, со временем нарастает православно-русская по семантике топонимия. Важную роль в этом процессе играет так называемая перенесенная топонимия, когда в Азиатской России в массовом порядке появляются названия, связанные с местами выхода переселенцев. С усилением контроля государства за крестьянскими миграциями возрастает его роль в номинации населенных пунктов. В середине XIX в. западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд уже предписывал давать новым населенным пунктам названия, связанные с именами членов императорской семьи. Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин во время поездки 1896 г. по Сибири также рекомендовал местным чиновникам: «Нужно, когда встречается к тому случай, наводить

¹ Weiss C. «Nash», Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*. Vol. 5. № 1, Spring 2006. P. 141-155.

² Максимов С.В. На Востоке. Ч. I // *Собрание сочинений С.В. Максимова*. СПб., б.г. Т. 11. С. 211. Показательно, что в слове «окрестят» заключалось не только стремление дать имя, но и сделать христианским.

³ Подробнее см.: Ремнев А.В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX—начала XX века (в печати).

переселенцев на мысль давать поселкам наименования в честь членов императорской фамилии, дабы всеми доступными средствами способствовать скреплению этой окраины с родною колыбелью»¹.

Духовно сцементировать разнородное русское общество на азиатских окраинах призвана была Русская православная церковь. «Русскую землю» крестьянин воспринимал прежде всего как «христианское царство», где живут православные люди. «Политическое возобладание русскими Сибирью, — отмечал еще в начале XIX в. П.А. Словцов, — равномерно совершалось и в Христианском разуме, через сооружение часовен, церквей, монастырей и соборных храмов»². Для традиционной системы представлений и переживаний была важна трансляция на новые места объектов и имен религиозного почитания и покровительства, что вело к сакрализации пространства. «Храм, выступая в своем известном символическом значении, не просто отмечает пространство в сознании людей. Он уже организует его по закону своей материнской культуры — древним традициям русского храмового зодчества, помогает сформулировать некую этнокультурную идентичность (наравне с присвоением новому пространству имен исторической Родины и понятий русской православной церкви и культуры), помогает воссоздать привычный культурный порядок, воссоединиться с реальным образом обжитого мира — Россией»³.

В народном сознании закрепляются как сибирско-русские герои: Ермак, Хабаров, Дежнев, Поярков, появляются местночтимые святые, иконы, популярные места религиозного паломничества, монастыри. Открытие новых православных храмов, торжественное освящение икон, установление памятников павшим героям, проведение церковных и государственных праздников, юбилеи присоединения к России и чествование главных подвижников «русского дела» — становились демонстрацией утвердившейся русскости, что подчеркивали в своих проповедях священники, провозглашали местные губернаторы и генерал-губернаторы, пропагандировали общественные деятели и краеведы. Этому были призваны служить местные музеи, исторические публичные чтения и памятные издания для широких масс. В «обрусительных» сценариях (имперском и народном) механизмы превращения «незнаемой» земли в русское христианское пространство включали, таким образом, наряду с

¹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 19.

² Словцов П.А. Историческое освоение Сибири. М., 1836. Кн. 1. С. 36.

³ Левашко С.С. Православный храм — архитектурный символ России на Дальнем Востоке во второй половине XIX—первой трети XX в. // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000; Он же. Православные храмы и триумфальные арки в русском стиле на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Хабаровск, 2000.

хлебопашеством, осмысление ее как богоданную и закрепленную православной и национальной символикой, право на которую подкреплено ратными трудами и пролитой кровью.

Русский крестьянин-переселенец и империализм

В. Сандерланд поставил, на наш взгляд, очень важную проблему: «Было ли переселение феноменом сельского хозяйства или империализма? Было ли это историей колониальной экспансии или внутреннего развития?». Или это было и тем и другим?¹ Действительно, во взаимоотношениях власти и туземцев русские переселенцы могли стать важной «третьей силой», способной придать процессу колонизации новое измерение. Однако казаки и крестьяне «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями «цивилизаторской» миссии, ни миссионерами»², хотя их стремились возвысить и включить в решение геополитических и национальных задач. Они оставались далекими от осознания своего высокого имперского и культуртрегерского предназначения, своего рода «неимперскими империалистами», по-крестьянски прагматичными во взглядах на туземное население и озабоченными, главным образом, количеством и качеством земли³. Но только они, по мнению многих имперских экспертов, могли стать реальной силой, способной сплотить огромное политическое пространство России, добиться «слияния» ее окраин с русским государственным ядром. За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления за империей новых земель, не использовало помещика в качестве колониационного и культурного элемента, как это было в Поволжье, Новороссии и Западном крае, а сделало главную ставку на крестьянина.

Многие влиятельные имперские и общественные эксперты утверждали, что «русский крестьянин — колонист по преимуществу», акцентировали внимание именно на «вольнонародном» характере казачьего и крестьянского движения на восток, подчеркивая при этом, что заселение земель за Уралом прошло самовольно и даже нередко вопреки государству. Правительство лишь воспользовалось результатами миграционного творчества простых русских людей. Видный земский деятель А.И. Васильчиков писал, что русские люди

¹ Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Janrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. P. 210-212.

² Брейфогл Н. Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // *Диаспоры*. М., 2002. № 4. С. 185, 188.

³ Sunderland W. Peasant Pioneering: Russian Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s-1910 // *Journal of Social History*. 2001. V. 24. №. 3. P. 895-922.

«проникали и переселялись на заселяемые прежде, чем вступали на них русские войска и власти, и завоевание, колонизация совершались не оружием, а орудиями — сохой, косой, топором»¹.

В такой исторической трактовке был важен поворот от прежнего осуждения «вольницы» к попытке дать ей иную интерпретацию, включив в имперскую идеологию. Народная колонизация начинает трактоваться как необходимое дополнение военной экспансии, и специально акцентировалось то, что об этом свидетельствует вся наша история. «Везде и всюду мы видим одно и то же: меч завоевывает, а плуг закрепляет завоеванное и не только мирит покоренного с завоевателем, но и ассимилирует его бескровным мирным путем. Сама история говорит за то, что русский человек крепко отстаивает свою народность и, безусловно, способен к колонизаторской деятельности»². «Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный публицист Ф.М. Уманец, — должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»³. Уманец описывает переселение русских за Урал в категориях «мужичьей колонизации» и «этнографического завоевания» Сибири, ставя их в один ряд с распространением «англо-саксонской расы» в Северной Америке, но предлагает при этом совершенно иные политические прогнозы. В руководстве переселенческим движением он предлагает довериться «закону природы», «инстинкту» крестьянина-переселенца, лишь направляя колониационные потоки в нужное государству русло. Россия в отношении своих окраин не может руководствоваться колониальным расчетом экономической выгоды. «Мы должны, — заключает он, — занимать и колонизировать сопредельные пустыни не ради увлечения дешевыми лаврами и мишурной славой, не потому что нам это выгодно, не потому, чтобы не хватало оренбургского или херсонского чернозема... а просто потому, что без этой колонизации мы не отвечаем за спокойствие областей давно заселенных и, столетия назад, вошедших в государственные пределы». Поэтому колонизация, в его интерпретации, есть «народная повинность, фатально вытекающая из нашего географического положения и государственного достоинства, из того, что стремление на Восток составляет нашу историческую миссию, из того, наконец, что «судьбой нам суждено» осенить пустыню идеей государственности и внести в

¹ Цит. по: Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973. С. 61.

² Мысли русского человека // Туркестанские ведомости. 1899. 10 янв.

³ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.

нее кодекс христианской нравственности, вовсе не следует, чтобы мы должны были постоянно «работать в убыток» и, таская каштаны для других народов, всегда оставаться на втором плане»¹. Сохраняя идеологическую дистанцию, отделяющую Россию от европейских колониальных держав, имперские теоретики усваивали и с осторожностью внедряли экономические и национальные обоснования, актуализируя демографические угрозы в виде «желтой опасности» или нового «монгольского нашествия». Именно русские, по мнению Уманца, должны получить лучшие земли на окраинах, потому что добыты они «русской головой и русской кровью», налогами с русских крестьян, именно русские внесли наибольший вклад в их «завоевание» и установление там «общественной безопасности».

Для укрепления империи необходимо было создать на окраинах критическую массу русского населения, которое и станет демографической основой государственной целостности. «...Могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им», – утверждал историк М.К. Любавский². Главной движущей силой колонизации становится уже не «природная стихия» крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов³.

В крестьянском миграционном сознании переселение за Урал могло восприниматься как стратегическая задача, указанная монархом и объединяющая интересы крестьянства и государства. Это придавало миграционным настроениям переселенцев особую легитимность. Вопреки бюрократическим запретам, переселенец верил, что, двинувшись за Урал, делает «царское дело» и что «казна» его не бросит⁴. Самовольное переселение крестьян не прекращалось на протяжении всей имперской истории, но все больше учитывалось властью, если не сказать, оказалось встроено в ее политические сценарии. И даже, если переселение не было санкционировано государством, такой самовольный мигрант, прибыв в Сибирь, считал себя вправе требовать от местных властей помощи в обустройстве на

¹ Там же. С. 225-226.

² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 474.

³ Ерофеева И. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 333.

⁴ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 47; Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 6.

новых землях. Как отмечал один из уездных начальников в рапорте на имя акмолинского губернатора: «Разуверить их в том, что свободных для поселения мест нет, положительно невозможно, поскольку на все доводы они отвечают словами: «мы явились... и, следовательно, имеем право селиться»¹. С этим вынуждены были соглашаться и переселенческие чиновники, признавая крестьянские резоны, что их обратно не возратить, что все они одинаково нуждаются в помощи государства и будут делать общее дело, независимо от формального разрешения на переселение².

Именно таким инстинктивным сознанием русского крестьянина и постаралась воспользоваться империя, чтобы не только экономически освоить новые территории, но и надежно прикрепить их к государственному ядру. При этом неуклонно подчеркивалось инициативное участие народа в построении империи. «Первопроходцы», возведенные в ранг имперских и национальных героев, не только отыскивали «ничьи» земли за Уралом, но и обеспечили «историческое право» на их обладание. Присоединение Амура воспринималось как «возвращение» земель, добытых ранее народными массами, а также стихийное движение русских людей на восток, «к морю-океану». Для «степи» использовались мотивы извечной борьбы с ней «леса», защиты земледельцев от «хищничества» кочевников. Переселенцы в XIX и даже в начале XX в., не считаясь с правительственными запретами, не переставали идти на все еще официально закрытые «внутренние» земли Сибири, Степного края и Туркестана. Крестьянские поселения задолго до включения в состав империи появились на Алтае, в Урянхайском крае, Маньчжурии и даже на территории Северного Ирана и Монголии. Места, обжитые русским пахарем, могли рассматриваться как потенциально принадлежащие России. Конечно, русскому человеку не были чужды стремления уйти из зоны досягаемости власти, но стихийно он выполнял функцию, которая могла вполне устроить империю: «он заносит русскую культуру в глубь Азии, цивилизует тамошнюю «орду», он, по его собственному выражению, «русскому царю землю завоевывает», а дипломатам оставалось «лишь оформить это завоевание»³.

Экстенсивный характер русского земледелия и демографический взрыв пореформенного времени усилили миграционную мотивацию русского крестьянина, породив своеобразный «сельско-

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 4591. Л. 30.

² Велецкий С. Записки переселенческого чиновника // Вопросы колонизации. [1908]. № 3. С. 199.

³ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1898. Кн. 25. С. 62. С.В. Лурье образно описывает этот процесс «убегания» крестьянина от государства, как игру в «кошки-мышки». См.: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 161-169.

земледельческий империализм», как его именовал философ Н.Ф. Федоров. И уже современные исследования подтверждают данную тенденцию: «Крайне интенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории»¹.

Империя надеялась использовать крестьянина как в деле хозяйственного освоения азиатских окраин, так и стремилась получить народную санкцию территориальной экспансии, которая бы оправдывалась приращением пахотной земли. Архиепископ камчатский, курильский и алеутский Иннокентий, определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, уже в 1856 г. отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»². Империя могла позиционировать себя в качестве государства, заботящегося не только о ныне живущих, но и будущих поколениях русских людей. «Необходимо помнить, — писал в 1900 г., опираясь на расчеты Д.И. Менделеева, военный министр А.Н. Куропаткин, — что в 2000 году население России достигнет почти 400 млн. Надо уже теперь начать подготавливать свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры»³.

Крестьянская колонизация может быть в таком случае представлена как конфликт и сотрудничество крестьянского общинного мира и государства. Россия как «мир» появлялась везде, где поселялись русские, формирующие ее «сакральные границы». Островки такого «мира» формировали своего рода русский архипелаг в азиатском океане, разрастаясь от городов (крепостей), казачьих станиц, от укрепленных линий вдоль почтовых и торговых трактов, сливаясь постепенно в массивный «русский континент». «Этот своеобразный русский этатизм, этот своеобразный перенос понятий и обеспечивал силу русской экспансии», — делает вывод С.В. Лурье⁴. Все это создавало предпосылки идеологического синкретизма воль-

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 566.

² Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит московский и коломенский: по его сочинениям, письмам и рассказам современников. Репринт. изд. М., 1997. С. 382.

³ Куропаткин А.Н. Итоги войны: отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 44.

⁴ Лурье С.В. Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации [<http://ethnopsychology.narod.ru/svlourie/articles/expansion.htm>].

нонародной миграции, правительственной колонизации и даже имперской экспансии, соответствовало идее «народного самодержавия», демонстрировавшего патриархально-попечительное отношение к «отсталому», но верноподданному крестьянину.

«Культурное бессилие» переселенца и хозяйственное «хищничество»

Казалось бы, рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, однако крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия.

Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда, существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало ясно после восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено приостановить в Северо-Западном крае действие циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.)¹. Массовое передвижение русских людей на восток воспринималось как политически опасное. «Уйдем в Азию, чтобы предоставить на нашей европейской территории возможно больший простор для чужеземной колонизации!» – грозно восклицал катковский «Русский вестник», которому уже мерещилось «онемечивание» западно-русских земель². Витебский губернатор В.В. фон Валь в 1890-х гг. выражал беспокойство, что «тихое и спокойное белорусское население заменится латышским, а с уменьшением белорусов ослабнет и русский характер Витебской губернии»³. Подобное беспокойство проявлял в 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве, признавая, что «из местностей с преобладающим инородческим населением переселяются преимущественно русские крестьяне». С другой стороны, он констатировал отсутствие целенаправленной политики, направленной на «усиление русской народности в местностях с преобладающим иноплеменным населением», что переселенцы неохотно идут на Кавказ, в Туркестан, Приамурский край – «местности, которые по политическим соображениям осо-

¹ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

² Современная летопись // Русский вестник. 1882. № 12. С. 999.

³ Ответы на вопросы о крестьянских переселениях (1890-е гг.): записка ген.-м. фон Валя // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 393. Л. 5.

бенно нуждаются в приливе русского населения»¹. Позднее эту же позицию будет отстаивать и П.А. Столыпин, указывая на опасность массового ухода русского населения из Европейской России в Азиатскую. «Лицом повернувшись к Обдорам», Россия как бы очистит западные позиции для немецкого натиска, и «чрезмерное выселение образует здесь многочисленные поры и скважины, которые быстро заполнятся иностранными колонистами. В тех пределах, в каких происходит естественный процесс выселения из западной России, пока идет нормальный *«отлив»* — он только желателен. Но начать искусственный процесс *выкачивания* русских людей из Европейской России было бы ошибкой»².

Во второй половине XIX — начале XX в. политические приоритеты государства на азиатских окраинах меняются: от узкой задачи — заселения любым, даже хозяйственно «слабым населением», или конфессионально «чуждыми» старообрядцами, сектантами и даже уголовными ссыльными — произошел поворот к более широкой колонизационной программе — созданию экономически устойчивого и культурно доминирующего русского населения, которое сможет прочно скрепить империю. Вместе с тем, в Азиатской России народнически настроенная интеллигенция, особенно те, кто был связан с переселенческим делом и мог влиять на политический курс правительства, предпочитала смотреть на русских крестьян, как на «отсталых», требующих правительственного попечительства и поднятия их культуры. Главным образом, это касалось неспособности переселенцев самостоятельно организовать на новых местах рациональное хозяйство, что грозило в будущем новым малоземельем³.

Переселение на азиатские окраины повлекло за собой усложнение взгляда на народ, когда возникли сложно вписывающиеся в прежнюю социальную парадигму противоречия между переселенцами и старожилами, крестьянами и инородцами. Публикации о бедных переселенцах оказались наполнены не только «болью» за скитания и страдания переселенцев, но и «грустью» за подмеченные черты в их характере: страсть к бродяжничеству, «алчное желание захватить лучший участок, боязнь остановиться на окончательном выборе, кипучая поспешность при бросании с одного непонравившегося места на другое»⁴ и т. п. А.А. Кауфман, который был одним из наиболее авторитетных научных экспертов в переселен-

¹ Современное положение переселенческого дела (дек. 1903): записка В.К. Плеве. Черновик // ГАРФ. Ф. 586. Д. 404. Л. 17, 35.

² Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 81.

³ Кауфман А.А. Вопросы переселения. I. Переселение и колонизация (речь на диспуте) // Русская мысль. 1908. № 6. С. 346.

⁴ Викт. Шнэ. Переселение в Семипалатинскую область // Степной край. 1895. 19 окт. № 76.

ческом деле, публично критиковал «мужиколобивых авторов» с их аргументацией, почерпнутой из «ультра-народнического словаря», и указывал, что переселенческое хозяйство носит по преимуществу «захватно-хищнический характер»¹. Местная администрация под натиском переселенцев вынуждена была признавать самовольные захваты и попытаться как-то упорядочить их земельные права. Переселенческий поток уже нельзя было сдержать — все новые и новые волны мигрантов накатывались не только на инородцев, но и на русских старожилов, которые теперь также оказались обиженной стороной.

Восхищение «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией сменялось негативными оценками самовольства, хищничества в отношении природных ресурсов, беспредела в эксплуатации туземного населения. Не только в Казахской степи или в Забайкалье, но и на сибирском севере русский крестьянин нередко смотрел на инородца «не как на человека, а как на домашнее животное», обязанное повиноваться всем требованиям, и не стеснялся в захватах земли, охотничьих угодий и рыбных промыслов, объясняя это тем, что «вода в реке текущая, принадлежит всем, дана Богом, и промыслять в ней могут все и каждый»². Случались прямые захваты не только земли, но и скота, что приводило к вытеснению кочевников на новые места или даже за пределы Российской империи. «Киргиз видит в нем насильника, который залез в его землю, а переселенец не признает прав того, говоря: это земля царская, т. е. наша. Отсюда постоянные столкновения. Обмануть киргиза, подстрелить его — самое обыкновенное для переселенца дело»³.

Появление на азиатских окраинах обедневших крестьян, вытолкнутых из Европейской России преимущественно социально-экономическими причинами, никак не могло работать на создание их положительного имиджа. Официально признавался не просто невысокий уровень хозяйственной культуры новоселов, но даже более низкий по сравнению с инородцами. Не был готов переселенец и к быстрой адаптации своих сельскохозяйственных приемов в новых природно-климатических условиях, не хватало у него и духа предприимчивости, самостоятельности. Естественно, что переселенец в хозяйстве и быту искал тех же условий, к которым он привык на родине, и если их не находил, то мог, при отсутствии необходимых знаний, решимости, выдержки и материальных средств

¹ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 57.

² Плотников А.Ф. (Пристав 5 стана Томского уезда) Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии) / Зап. ИРГО по отделению статистики. СПб., 1901. Т. X. Вып. I. С. 145.

³ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. ЗСО ИРГО. Омск, 1898. Кн. 25. С. 63.

быстро терять терпение и уверенность в своих силах, бросал землю, с которой его мало что связывало. Отрыв же от земледельческих занятий и превращение крестьян в горожан не приветствовалось властями и входило в противоречие с идеологическими установками на позитивный потенциал именно крестьянина-земледельца.

Русский переселенец, вопреки планам государства, не обретал прочной оседлости и поэтому о земле не заботился, при истощении надела он арендовал другой или уходил на новый переселенческий участок. Сказочные поверия о существовании в Сибири «небывало богатых краев» и появление народных брошюр, привлекающих крестьян переселяться за Урал, провоцировали желание искать лучшей земли. В результате очередной миграционный рывок завершался не созданием «сплошного густого русского населения», но, напротив, появлением в Сибири народной массы, «блуждающей по уездам бесцельно и безрезультатно». Хищническое истребление леса в степи крестьянами нередко сопровождалась заявлениями «на наш век хватит»¹. Осторожно, не распространяя подобные оценки на всех крестьян, появляются в публицистике описания особого типа «хищника земли», «шатуна», «стяжателя», который ничего не имеет общего с «коренным пахарем». Регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, утрата традиций общинной жизни, возвратная миграция стали обычными явлениями, сопровождавшими крестьянское переселение и водворение на новых местах. Те, кто описывал эти процессы в рамках социально-экономического дискурса, причины негативных явлений предпочитали видеть исключительно в материально-финансовой сфере: недостатке денежных средств на домообзаводство, неудобных землях, необеспеченности новоселов рабочими руками, скотом, инвентарем. Хотя были и те, кто предупреждал, что переселение в Сибирь может стать «тормозом» для развития России. «В Сибири его приемы земледелия становятся менее культурными, подворные владельцы и даже собственники превращаются в общинников, привязанность к церкви и школе слабеет, развивается бродяжнический дух»².

На официальном уровне вынуждены были признать, что русские крестьяне не стали образцом для переходящих к земледелию кочевников, которые «заимствовали у русских то же небережливое, хищническое отношение к земле, какое последние, к сожалению,

¹ Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1902. С. 103.

² Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 326-327.

проявляют на чужбине»¹. «Нужно сказать, что духовная, нравственная сторона киргиз не изменяется к лучшему от соседства с русскими, — писал уже областник П.М. Головачев, — т. е. с казаками, ленивыми, невежественными жадными, и переселенцами из России, на которых киргиз смотрит, как на врагов, лишаящих его лучших угодий»². Такого рода разочарования в колонизационном потенциале русского народа становились частыми, хотя все еще заслонялись чувствами сострадания и критикой бездействия властей, что составляло основное содержание переселенческой публицистики.

«Культурное бессилие» русских крестьян провоцировало поиск врагов, выявление конфессиональных и культурных конкурентов. Националистический пафос борьбы с иностранным засилием в Азиатской России вылился в фобию немецкого землевладения, которое якобы угрожает русскому делу на окраинах³. Опасными конкурентами «обрусению» в казахской степи и Туркестане объявлялись татары⁴. Мусульманам, не казахского происхождения, было запрещено приобретать земли в степи. Нашлось место и угрозе со стороны евреев, в экономическую кабалу к которым могли попасть не только «наивные» туземцы, но и русские крестьяне⁵. «Этакий народ-дитя, — констатировал в 1897 г. в своих путевых заметках о Сибири знаток переселенцев В.Л. Дедлов, — нравственно слабосилен, и потому так легко справляются с ним немцы, армяне и среднеазиатские туземцы, более культурные, с более выработанной личностью. И потому-то власти надобно его защищать: иначе его заедят»⁶. Так могла акцентироваться еще одна возможность патерналистского сближения имперской власти и русского народа.

Колонизация и крестьянская община

В специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников содержались тревожные сомнения относительно колонизационных возможностей русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли «народный гений созидательного творчества общинной жизни»? Свидетельствами культурного поражения русской колонизации на

¹ «Записка [Земского отдела МВД] по вопросу о содействии кочевникам киргизам к переходу в оседлое состояние» // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. С. 8.

² Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 136.

³ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI - начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 16.

⁴ См.: Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4 (34). С. 5-31.

⁵ Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора за 1910 г. Омск, б.г. С. 21.

⁶ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 330.

окраинах могли служить не только регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, снижение численности населения, но и утрата традиций общинной жизни русского крестьянина.

Воссоздание общины на окраине, даже несмотря на сохранение устойчивых, хотя и разнородных, обвинений в писарском бюрократизме, хозяйственном консерватизме, патернализме, излишнем демократизме и даже коммунизме, требовало у ее сторонников не менее сильных аргументов. Идеальная модель крестьянского общества пересекалась с давно обсуждаемыми проектами волостного земства, «первоначальной ячейкой устройства жизни, практической школы общественной солидарности на почве самоуправления», «основой народной свободы земледельческой России», «нижним пластом демократического строя» и, наконец, «национальным образцом демократической организации»¹. Отсутствие таких общественных институтов оставляло население в виде «распыленной, неопытной, общественно неумелой массы», которую легко сбить с толку. Земство, в отличие от крестьянской волости, должно было быть всесловным, что позволило бы оказывать на крестьян влияние «более культурным элементам». Идея волостного земства более всего соответствовала западным представлениям о муниципальных органах как школах демократии и гражданского общества, где и происходит воспитание солидарности или обучение новым формам организации труда. Для переселенческих чиновников-практиков «окультуривания» российского колонизатора, поддержание и воспитание в нем коллективизма было действительно насущными задачами, необязательно связанными с политическими новациями.

Самостоятельность колониста, умение организовать свое хозяйство и быт без посторонней, прежде всего без государственной, помощи ценились на всех окраинах. Альтернативой государству — попечителю и чиновнику должна была выступать внутренняя крестьянская организация — община. «Переселенец должен рассчитывать не на казну, а на личный труд»². А.А. Кауфман, сведя воедино различные проявления «хищничества» переселенцев, объяснял их «недостатком общей культурности» российского колонизатора, отсутствием помимо частных, сиюминутных выгод понимания важности общественных обязанностей и ответственности будь то перед будущими поколениями, соседями или государством. Общественная солидарность, сплоченность коллектива для решения задач любого уровня (строительство новых дорог или хотя бы поддержание

¹ Френкель З.Г. Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. М., 1999. С. 28.

² Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. № 8. С. 154.

тех, которые построили предшественники, создание благоустроенных поселений, вложение средств в школы или больницы) отличали переселенцев европейского происхождения, прежде всего немцев, «низводя» в равной степени и великоросса, и малоросса до «азиатов». «И те, и другие могут наслаждаться жизнью, когда вокруг страшный смрад, благодаря собственной беспечности, или мокнуть под дождем, дрожать от холода, когда в двух шагах чуть не девственный лес ... До других товарищей по несчастью ни тем, ни другим нет никакого дела: будет ли кто жить после их ухода на том месте, которое они загадили, или в той юрте, войлоки с которой они украли — об этом никто не думает»¹. Интересно, что противопоставление культурного европейского колонизатора («колонисты цивилизованных национальностей, но не русского корня») и «некультурного азиата» на восточных окраинах не было однозначным, но не за счет разочарования в культурности и рациональности «немцев», а из-за столь же высокой организованности встречных «азиатских колонизаторов» — китайцев и корейцев. «Перед нами огромные массы, однородные, трудолюбивые, объединенные почти одинаковой везде религией, письменностью, обычаями, всем вообще укладом жизни и в течение тысячелетий выковывавших вообщу культуру. Их можно разбить в войне, но не победить»².

В этом противостоянии единственным «безобразно-хищническим» азиатом часто оставался крестьянский переселенец, главное колонизационное достоинство которого сводилось к количеству. Этот «неправильный», но многочисленный колонизатор не знает и не желает узнавать особенности края, поэтому бросает землю, за которой пришел, передает ее китайцам, нанимает батраков и «живет помещиком», а сам отыскивает выгодный и легкий промысел в городе или занимается извозом. Сравнительно большой заработок и много свободного времени «при привезенной из России малокультурности и отсутствии здесь каких-либо образовательных школ, курсов или развлечений тратились в большей части на пьянство, в этом благодатном крае грозила вырасти среди трудолюбивых китайцев и японцев пьяная Россия»³. Цивилизованность нерусского крестьянина открывалась путешественникам в самых различных сторонах быта: непривычная чистота, осознанный коллективизм, прочный целесообразный уклад жизни, вера «без гнусных суеверий». «Культурность» и «немецина» станут практически

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 346.

² Кохановский А. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина // Известия Восточного института. 1908. Т. 29. Вып. 2. С. 6.

³ Там же. С. 6.

синонимами, характеризующими высокий уровень хозяйственной культуры переселенца.

Качество переселенческой партии чиновники оценивали по сплоченности коллектива. В связи с этим бывшие отходники, ремесленники, утратившие общинные навыки, рассматривались как «не особо удачный» колонизационный материал, поскольку «... не умели хорошо приняться за дело, не составляя дружной общины по своей разнородности... не могли сплотиться в одну дружную семью, так что среди них не могло быть артельного начала, задруги, помочи, общей пахоты и других общих начинаний, которые могли бы особенно пригодиться в таком трудном и новом деле, как колонизация чуждого края»¹. Отсутствие сплоченности не позволяли переселенцам проявлять «собственную инициативу». Получалось, что община не подавляла индивидуализм, но помогала ему проявиться на основе простой солидарности и кооперации, создавала условия для самостоятельности коллектива, независимости его от внешних сил и тем самым способствовала формированию и реализации в нем личных интересов.

Выборы старост («старших»), проведение сходки будущих домохозяев, самостоятельное «разделение на общества, придерживаясь главным образом родных сел и волостей», в условиях внешних угроз создание сельских дружин — начальные общественные практики в местах водворения². Массовые переселенческие партии во избежание конфликтов старались размещать в переселенческих бараках и во время следования семьями одного и того же общества. Представления о единстве русских переселенцев опровергалось «жесточкой враждой» и распрями даже соседских обществ и усиливалось монолитом иностранных колонистов, которые сплывались не общей территорией выхода, а внутренним единством культуры, веры, языка, усиленными внешним иноязычным, иноверным и инокультурным окружением.

Слабость общины как социальной организации, как внутренне-го «опекуна» неизбежно усиливало роль государства в этой части. Именно в кругах переселенческих чиновников возникло понятие «государственного пестуна», т. е. колонизатора, утратившего самостоятельность и предприимчивость. Получая разнообразную и зачастую безвозмездную помощь, крестьянин-переселенец утрачивал заинтересованность в индивидуальном труде и общественной инициативе. «Хищничество» крестьянин проявлял не только по отношению к отведенным ему земле, лесу, угодьям, но и по отношению к тем сооружениям, на строительство которых он не

¹ Елисеев А. Указ. соч. С. 132.

² Там же. С. 128.

затратил своих сил и средств, получив их от государства. Недостаточно бережно относились новоселы, в частности, к гидротехническим сооружениям — «устраивают переезды и прогоняют скот через каналы <...> даже ездят по самим каналам», для удобства иногда «заваливая их кочками, соломой и сеном», не ограждают колодцы, построенные на казенные средства, не очищают их и т. д. Последствием правительственных льгот становилась деградация и без того незначительных социальных потребностей. Из-за слабой самоорганизации крестьяне-переселенцы на начальных этапах не смогли создать устойчивые общественные институты управления и суда, а главное, взаимопомощи. Разобщенность самих переселенцев и неравноправные формы взаимодействия с принимающими сообществами (прежде всего со старожилами) также не благоприятствовали сплоченности крестьянского мира¹. Усвоив свою высокую миссию на окраинах, русский крестьянин стремился не только компенсировать свои расходы на переезд и водворение на новых местах, но рассчитывал и в дальнейшем получать от государства постоянное вознаграждение за свою роль государственного колонизатора. Такие настроения могли порождать иждивенческие настроения и стать дополнительной причиной экономической и культурной пассивности переселенцев, которые «отвыкали от всяких общественных обязательств, учреждения новых школ, больниц, запасных магазинов, устройства дорог, содержания общественного управления, постройки церквей, призрения сирот и убогих, даже наем на подводу священнику для совершения требы — они считали обязанностью правительства»².

Слабость общих интересов усиливалась нежеланием создавать любые общественные предприятия, за исключением кабаков. Безответственное отношение к общественной казне и хозяйству проявлялось в том, что деньги, вырученные от доходных статей, не обращались в мирской капитал, а раздавались, не принося за незначительностью сумм существенной пользы отдельным хозяевам, но нанося урон общественному капиталу. В отчетных материалах чиновников постоянно встречаются сетования, свидетельствующие о распространенности данной практики, особенно по поводу мирских приговоров о выдаче каждому двору к празднику «известного количества ведер» из общественного кабака.

Община переселенцев многими экспертами воспринималась не только как социальная структура, основа самоуправления, фи-

¹ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11-12. С. 245.

² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 г. С. 14.

скальный институт, но и как поземельная организация со всеми ее необходимыми функциями: возможными переделами, круговой поручкой, организацией коллективных работ, регулированием земельных отношений на основе обычного права. Проверкой на прочность общинных отношений переселенцев становилась конкуренция со «встречными» традициями местных (аборигенных) жителей. Так, по мнению А.А. Кауфмана, русские переселенцы смогли освоить технику местной ирригации, но не пожелали «признавать выработанное веками водное обычное право»; принимали участие в общих работах по очистке и ремонту арыков, но только в качестве надсмотрщиков¹.

Практически не касаясь поземельной сущности крестьянской общины переселенцев (признав в рамках столыпинского аграрного курса преимущества подворного, индивидуального владения), эксперты оценивали, преимущественно, политическую, социальную, административную и национальную составляющую крестьянской общины. Поднимался в связи с этим вопрос о возможности и необходимости распространения общинного самоуправления на инородцев, в частности казахов. Помимо культуртрегерского влияния русских переселенцев, которое виделось в привлечении к земледелию, предполагался и перенос форм земельного владения. Главная задача народной колонизации виделась в приобщении кочевников к оседлому образу жизни. Кочевое хозяйство считалось более примитивным по сравнению с земледелием, более зависимым от стихий природы и потому «благородная культурная миссия в Степи» связывалась также с распространением «более высокой хозяйственной культуры». Вновь освоенные земли и включенные в земледельческий оборот назывались «культурной площадью», а новый этап отношений с кочевниками — этапом «культивизации», т. е. «продвижения степняка по пути, указанному культуртрегером-землепашцем», приобщения населения к «великой семье культурного человека»².

Аргументация «общинной прививки» для кочевников имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение казахов в «добрых пахарей» позволит им избегать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков и будет способствовать «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае идеальной кон-

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 335.

² Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1897. № 7. С. 43.

струкцией выступала русская община, которая в планах чиновников являлась не только уравнительным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена. Хозяйственные функции общины в степных условиях, особенно при ирригационном орошении, возрастали. Земельные наделы оседлых киргизов предполагалось изымать из волости кочевников и передавать в общинное владение. Это действие было направлено против зажиточной верхушки кочевого социума, которая определялась как главный противник земледельческих занятий. При этом администрация понимала, что эта же часть населения является наиболее авторитетной, поэтому склонение ее в пользу земледелия и оседлого образа жизни принесло бы наибольший результат. В проекте акмолинского военного губернатора «Об устройстве поселений в степи Акмолинской области» был предложен вариант постепенного перехода к оседлому состоянию через промежуточное – полuosедлое. Обязательным условием развития сельских обывателей степи проектировалось создание самостоятельной административной структуры по образцу крестьянского – «существующему в русских селениях с непосредственным подчинением уездным управлениям»¹.

«Осибирячивание» русских как политический и культурный миф

Образ Сибири – своего рода «крестьянского Эльдorado», «мужицкого царства», свободного от помещиков, появившийся во многом благодаря ссыльным декабристам, с 1880-х гг. был востребован и развит народнической периодикой как воплощение их идеалов общинного социализма. Однако, соприкоснувшись с сибирской действительностью, многие из них быстро утратили социалистические иллюзии в отношении сибирского крестьянина. Прежние эпитеты заменялись метафорами, что «Сибирь – не якорь спасения для России», «Сибирь – дочь России, во всем похожая на родную мать»². При обсуждении в 1905 г. вопроса о крестьянском представительстве в Государственной думе в правящих кругах преобладали преимущества для внутренних губерний, заявляя, что крестьянские депутаты от Сибири, Туркестана и Степного края «не помогут госу-

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т.1. Л. 124 -125. Подробнее см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. (в печати).

² Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе XIX – начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск, 2006. -С. 99-100.

дарственному строительству»¹. П.А. Столыпин, так много сделавший для хозяйственного и культурного развития Сибири, хотя и не сомневался в верноподданности переселенцев с их «правильным, чистым, русским мирозерцанием», настаивал на том, что нельзя упустить момент: «Иначе бессознательно и бесформенно создается громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую»². Неслучайно П.А. Столыпин затормозил введение земства в Сибири, опасаясь, что старожилы займут в нем господствующие позиции и станут препятствовать переселенческому движению. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, — утверждал также А.А. Кауфман, — то только в одном: в усиленных стараниях закрыть край для дальнейшего вселения»³. Земли за Уралом объявлялись достоянием всего народа, чему противоречили областнические и национальные лозунги: «Сибирь для сибиряков», «Киргизия для киргизов» или «Бурятия для бурят»⁴.

С начала 1890-х гг. страницы столичных изданий были заполнены описаниями разного рода путешественников, которые тиражировали «образ» сибиряка, как своего рода «культурную аномалию». Обобщая эти доминирующие в общественном восприятии стереотипы, польский исследователь В. Брониславский, который провел несколько лет в Сибири, так характеризовал подобные описания: «Поверхностные исследователи Сибири стараются нас уверить, что сибиряк испорчен до мозга костей, что он поклоняется грубой силе, что в ней видит все назначение человека, что, словом, он унаследовал хищнические инстинкты от первых пионеров»⁵. На этом фоне переселенцы выглядели не только страдающей стороной, но и представлялись более привлекательными с точки зрения распространения русской культуры на азиатские окраины России. Народнически настроенные писатели, по мнению В. Брониславского, оказались перед дилеммой: «Оборванный, обездоленный, несчастный изгнанник внушал сострадание и чуть не симпатию, а на голову сибиряка обрушились иные чувства душевно оскорбленного и возмущенного посетителя страны “чудес и курьезов”. В силу странной логики чувств, на сибиряка и пала ответственность за безобразные устои сибирской гражданской жизни»⁶.

¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 178.

² Письмо П.А. Столыпина Николаю II, 26 сентября 1910 г. // П.А. Столыпин: переписка. М., 2004. С. 62.

³ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

⁴ Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 171.

⁵ Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Сибирь. 1897. 13 июня.

⁶ Там же.

Положение осложнялось появлением сибирской интеллигенции, которая под влиянием федералистских и национальных теорий пыталась выстроить концепцию колониальности Сибири, выдвигая экономические, культурные и даже политические претензии имперскому центру. Формирование у сибирского старожильского населения чувства территориальной обособленности, осознание своей непохожести и чувств региональной социально-экономической ущемленности создавало предпосылки выстраивания иной, конкурирующей с «большой русской нацией», сибирской идентичности, а сибирские областники надеялись мобилизовать ее в политических целях¹. Сибирским областникам также не были чужды народнические настроения и стремление совершить «хождение в Сибирь», но они быстрее своих европейских коллег избавились от идеалистических воззрений на крестьянина. Их оценки были куда более реалистичными, но в данной ситуации их симпатии оказались на стороне сибиряков-старожилов. Важную роль в этой полемике сыграла газета «Сибирь», выходившая под редакцией И.П. Михайлова в Петербурге. Несмотря на то, что в ней сотрудничали многие бывшие политические ссыльные и известные всей России писатели и ученые, все же она пыталась продолжать областнические традиции «Восточного обозрения» в его петербургский период. Впрочем, среди ее сотрудников были люди не только известные, но и придерживавшиеся разных политических позиций: Г.Н. Потанин, Д.М. и П.М. Головачевы, В.И. Вагин, С.Я. Елпатьевский, М.В. Загоскин, А.А. Кауфман, Д.А. Клеменц, В.М. Крутовский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.А. Мачтет, Н.Л. Скалозубов, В.Л. Серошевский и др. Их объединяло осознание того, что русский крестьянин-переселенец не способен осуществить культуртрегерскую миссию не только в отношении старожила-сибиряка, но даже и в отношении скотовода-киргиза, которого он должен был бы приучить к земледелию. Он также нуждался в просвещении и усвоении передовых форм сельского хозяйства, так как «сам чрезвычайно консервативен и не привык чему-либо научиться»². Какой пример он может оказать: «Являясь в качестве просвещенного колонизатора, он обыкновенно строит курную избу, роет в земле нору, вычисляет по погоде крещенского сочельника погоду в июле и ковыряет безводную степь допотопной косулей, «русским» плугом, а когда ничего от земли не получает, становится в тупик перед

¹ Подробнее см.: Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112-146.

² Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей (Голос из Тургайской области) // Сибирь. 1897. 20 июня.

новыми условиями природы, которых даже не предвидел. В лучшем случае он перенимает от туземцев способы обработки земли, а то предпочитает возвратиться «на старину», «в Рассею»¹. Так что он не может никого чему-либо научить и дорого обходится местному населению, у которого он отнимает землю. Между тем переселенцы стремятся на все новые земли, к которым «не нужно прилагать ни знаний, ни энергии, которых у них нет; часто случается, что они побывали уже и на мифическом «Китайском Клину», и в Западной Сибири, и в Акмолинской области; кое-кто из них успел где-нибудь урвать кусочек новой земельки, истощить ее, а часть еще блуждает, высматривая «обетованную землю». Поэтому, доказывая А.А. Кауфман, колонизационная емкость Сибири не может быть измерена только количеством удобной земли, но еще и качеством самих переселенцев, если бы они состояли не из русских крестьян-земледельцев, а, например, «из староверов и сектантов, или из латышей и немецких колонистов, или из китайцев и корейцев, с их неимоверно низкой оценкою своего труда и тысячелетиямиработанной привычкой к интенсивной, почти огородной культуре»².

Непохожесть сибиряка на его российского соотечественника не только удивляла, но и настораживала. Особенно беспокоило отношение старожилов к переселенцам, которых они долго не воспринимали как равных себе, а их появление вызывало раздражение как «утеснение», и провоцировала готовность даже сняться с насиженных мест и искать счастья в новых землях, отправившись дальше на восток. «Сибирская гордость, — описывал свои впечатления от поездки в Сибирь в 1895 г. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, — иногда доходила до того, что приселившиеся переселенцы, добровольно принятые сибиряками, лет по двадцати не признавались последними по себе равных, причем сибиряки переставали давать кличку «российских» и рождались наконец с ними, то бывшие «российские» не без гордости говорили приезжим, что они стали «сибиряками», точно их повысили в чине»³. Вместе с тем, он писал как о свободе и зажиточности сибирского старожила, отсутствии низкопоклонства перед чиновником, так и неприятных впечатлений, вызванных утратой русской народной поэтичности и музыкальности, религиозности, пьянстве и сквернословии и даже лености.

Об этом писали также такие авторитетные авторы, как народники И.Г. Прыжов, Н.М. Астырев, Н.Г. Короленко, Г.И. Успенский и даже сибирский уроженец А.П. Шапов. Уже сама история движения первооткрывателей Сибири теперь объяснялась главным образом

¹ Там же.

² Кауфман А.А. Колонизация Сибири ... С. 175.

³ Иртышский вертоград. М., 1998. С. 185.

жаждой наживы и стремлением к грабежу. «Идеал сытого довольства» сибирского крестьянина уже не радовал «интеллигента», как писал один из авторитетных знатоков крестьянской жизни Н.М. Астырев. Уж слишком он был не похож на его собственный идеал русского крестьянина, воспетый и выстрадавший великой русской литературой и увлекший на народническое служение многих интеллигентных русских людей. Из-под пера Астырева (с отсылкой на исследования этнографов и собственные наблюдения) представал образ сибиряка как человека хотя и добившегося известного материального благосостояния, но ставшего «сухим материалистом», забывшим свою историю, утратившего многие прежние нравственные качества и даже равнодушного к религии. Сибиряк привык уважать силу и власть денег, стал человеком самостоятельным и самонадеянным, прагматичным как американец. Он не музыкален и не поэтичен, равнодушен к школе, хотя более грамотен, чем его собрат в европейской части России. Но эта грамотность не расширяет его «умственные горизонты», а служит лишь утилитарным целям. Главное же заключалось в разочаровании, что сибиряк утратил те симпатичные черты пусть бедного, но потенциально духовно богатого русского крестьянина, которого так жалели и превозносили многие народнически настроенные интеллигенты, независимо от того находились ли они во власти или были в оппозиции к ней. «У него нет представлений о мужицком кресте, о крестьянской доле, какие имеются у его отдаленных родичей, оставшихся тянуть лямку серяка-мужика в Европейской России...» За крестьянской общиной в Сибири не сохранилось традиционного названия «мир», а ее предпочитают здесь именовать «общество», что лишает его «той тени идеализации, которая еще может быть наблюдаема в России» и больше подходит административному термину «сельское общество»¹.

А.А. Кауфман отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика². И вот этот «сибирский янки», — заключал другой сибирский наблюдатель, — «материалист до мозга костей», которого мало волнуют «проклятые вопросы», занимающие российского крестьянина, смелее его, в нем нет «ни раболепства, ни страха перед кокардой; он знает себе цену; знает свои права и при случае умеет отстоять их. Суровая природа научила его надеяться только на самого себя, выработала находчивость и самоуверенность. Скептик в душе, он пунктуально исполняет все обрядности, но на духовенство, равно как и на администрацию, смотрит со скрытым презрением. Подчи-

¹ Астырев Н.М. Очерки быта населения Восточной Сибири // Русская мысль. 1890. № 10. С. 94.

² Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки) 1901-1903. СПб., 1905. С. 46, 48.

няясь поневоле, он стремился откупиться от чиновников, а нередко готов был протестовать и мстить: за обиду «поломать в тесном месте ребра начальству, а то и всадить пулю»¹. Г.К. Гинс, которому предстояло пережить революцию и гражданскую войну, в 1913 г. описывал ситуацию, которую породило массовое крестьянское переселение в азиатском пограничье кочевого и оседлого миров, не только как противостояние народа и власти, но и как «процесс внутренней глухой борьбы населения»². Роль империи в этом столкновении была не только агрессивной или провоцирующей, но и сдерживающей темные инстинкты масс, что выплеснулось на поверхность, когда, по выражению философа В.В. Розанова, «начальство ушло». Крестьянская стихия, освободившись от сдерживающей и регулирующей опеки империи, обрушилась на инородцев с невиданной силой, способной окончательно покончить с народническим мифом о русском крестьянине³.

Казаки как колонизационный элемент

Еще больше вопросов вызывало дальнейшее использование казаков как колонистов. Казаки были издавна включены в процесс русского продвижения на восток и закрепления окраин за империей. Однако, потеряв к XIX в. былую вольницу, они были, по сути, превращены в военных поселян, размещенных вдоль азиатских границ. Государство юридически определило их особый сословный статус, наделило казаков огромными массивами земель. Однако неудачная Крымская война, военные реформы и расширение азиатских границ на востоке и юге заставили по-новому взглянуть на казачество, которое как эффективная военная сила некоторыми имперскими аналитиками была поставлена под сомнение. Вместе с тем, империя не имела средств заменить казаков регулярной армией и полицией, что потребовало бы радикальных перемен в военной организации азиатских окраин и затронуло целый спектр социально-экономических проблем. Сохранялась неуверенность и в политической стабильности окраин, а постоянно проживавшие здесь казаки были более мотивированы в поддержке как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических акций империи.

Если в Сибири роль казаков признавалась сыгранной и их можно было без труда перевести в крестьянское сословие или сохранить

¹ Александров В. Аргунь и Приаргунье: путевые заметки и очерки // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 283.

² Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 28.

³ См.: Элбек-Доржи Ринчино, Великая революция и инородческая проблема в Сибири [Чита, 1918] // Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 43-44, 55-62.

в качестве небольших по численности вспомогательных полицейских сил в северных районах, то в степных и дальневосточных областях будущее казачества выглядело далеко неоднозначным. Особенно остро этот вопрос стоял в отношении Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, которые оказались уже далеко от имперских границ, а казахская степь, казалось, имела шансы окончательно превратиться во «внутреннюю» окраину. За исключением Семиречья, в туркестанских областях власти фактически не использовали казачью военно-хозяйственную колонизацию.

Еще в большей степени, чем в Центральной Азии, империя не была готова полностью отказаться от услуг казаков как воинов и земледельцев на Дальнем Востоке, где их заменить, особенно на первых порах, было просто нечем. Крестьянская колонизация здесь шла крайне медленно, а содержать регулярные войска из-за отсутствия хозяйственной инфраструктуры и развитых коммуникаций оказывалось чрезмерно дорого. Казачья колонизация на Амуре отличалась от других окраин еще более строгой регламентацией, что отрицательно отразилось на ее экономической эффективности. Принудительное расселение казаков, сопровождаемое казенным попечительством, подчеркивалось критиками казачьей колонизации, создало население апатичное, привыкшее к опеке. Казачество влачило по большей части в первые годы жалкое существование и было, как отмечал Н.М. Пржевальский, деморализовано, испытывавая открытую неприязнь к новому краю¹.

На рубеже XIX–XX вв. вопрос о продолжении казачьей колонизации Дальнего Востока поднимается в связи с так называемой «желтой опасностью». Местные власти решительно требовали усилить русский казачий элемент в Приамурском крае. Понимая экономическую нереальность замены казаков регулярными войсками, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской настоял на дополнительном отводе казакам огромного массива новых земель. Несмотря на абсолютный рост численности казаков в Приамурском крае, приток сюда крестьян прогрессивно нарастал, и именно они стали в начале XX в. определять облик дальневосточной окраины. Как и в случае казачьей «десятиверстной полосы» на Иртыше, 100-десятинный «отвод Духовского» охватил наиболее плодородные и удобные земли, где крестьянам запрещалось селиться. Работавшая в Забайкалье в 1901–1903 гг. земельная комиссия, возглавляемая А.Н. Куломзиным, пришла к выводу, что «так называемая казачья колонизация» не может ни по каким основаниям именоваться колонизацией, ибо она находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами — плотно заселить

¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М., 1947. С. 226–227.

пустующие земли и обратить их в культурное состояние¹. В столыпинском аграрном курсе казаки явно отошли на второй план, а их права на земли, как считалось, только тормозят массовое крестьянское переселение².

В развернувшейся полемике во внутриправительственных комиссиях и на страницах научных и общественных изданий самым неожиданным оказалось то, что казаки на азиатских окраинах были поставлены под сомнение не только как военная сила, но и в качестве земледельцев. Утверждалось, что казаки землю почти не обрабатывают, предпочитая сдавать в аренду, ведут праздную жизнь³. Вид казачьих станиц «невзрачен», улицы «неправильные», – подтверждали этнографы, придавая такому взгляду значение научного факта, – «небрежность» в постройке жилья, просматривается явная «недомовитость» казаков, отсутствие у них забот о «внешнем порядке». Из таких оценок делался, как правило, вывод: «Крестьянин, несомненно, более положительный тип, а как экономическая сила и более сильный и желательный элемент в замиренном крае, нежели казак...»⁴ Не могла не беспокоить и сложность отношений, которые складывались между казаками и крестьянами-переселенцами. Признавая социальную близость и русскую национальную общность с ними, казаки демонстративно выделяли себя из крестьянской массы. «Существенная черта казака – нахрап, наскок, взять с боем. Отличительное свойство мужика – столь же энергичное, но пассивное сопротивление до последней крайности, стремление сесть на место тишком, да и прирасти к нему так, что даже казак не стащит, несмотря ни на какие нахрапы»⁵.

Помимо всего казаки попали под подозрение в сохранении ими «русскости» и утверждения положительного русского имиджа среди туземного населения. На севере и северо-востоке Азии казаки, как отмечалось почти всеми, кто побывал там, утратили былой воинский дух, халатно относились к своей службе, некоторые из них даже не говорили по-русски, совершенно слившись с местным на-

¹ Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 472.

² Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 151; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М. 1990. С. 21.

³ 1895 г. декабря 30. – Отчет Семиреченского губернатора о населении, включая казачество, и хозяйственной деятельности в Семиреченской области // Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). М., 2000. С. 273-274.

⁴ Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 198.

⁵ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 45.

селением. Не случайно, именно казаки-первопроходцы и их потомки первыми попали в поле зрения разного рода наблюдателей, поднявших тревожный вопрос об «объинородничаньи» русских на азиатских окраинах. Подобного рода оценки могли транслироваться в целом на казаков восточных окраин. Так, Н.М. Пржевальский, подкрепляя свой вывод авторитетом ученого, сделал общее заключение: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников. Даже физиономия нашего казака выродилась и всего чаще напоминает облик своего соседа – инородца»¹, а леность казаков и многие другие отрицательные качества в их поведении и характере объявлялись следствием регрессивного воздействия туземцев. Пугающим было то, что даже между собой казаки начинали говорить на местных языках, а их дети уже с трудом усваивали русскую речь. Антропологический тип казака-старожила действительно имел своеобразные черты, однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом, из бурят.

Роль завоевателей, полицейская служба, причастность к злоупотреблениям местной администрации также не способствовали формированию положительного образа казака как представителя русского народа². Для социально обостренного народнического дискурса были особенно показательны обвинения казаков в эксплуатации инородцев. В такой ситуации казаки, которые активно использовали инородцев и даже крестьян-переселенцев в качестве наемных работников, могли восприниматься общественным мнением как эксплуататоры («кулаки»). Казаки, действительно, чувствовали себя хозяевами в степи и готовы были не только продолжить захваты земель кочевников, но и ревниво относились к появлению новых земельных конкурентов – крестьян-переселенцев. Все это запутывало и без того непростую систему социально-экономических и правовых отношений, приводило к росту напряженности в районах, которые уже представлялись имперским властям «замирненными».

Однако весь этот критический пафос оценок не означал полного отрицания исторических заслуг казаков и их военного значения

¹ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299-300.

² Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 32-39.

в крае в будущем. Речь пока шла лишь о смене колониционных приоритетов в пользу крестьян. В конце концов, казачество сохранили как легкую кавалерию и пограничную стражу. Казаки оказались нужны как полицейская сила и чиновники среднего и низшего административных звеньев, так как, «проживая с детства в постоянном общении с ближайшими соседями родных своих станиц и хуторов киргизами, хорошо знают киргизский быт и внутреннюю жизнь кочевников, а также прекрасно владеют киргизской разговорной речью» и могут служить связующим элементом «между уездной администрацией и киргизским народом, узнавая при своей ловкости и знании языка и народной жизни затаенные намерения и стремления мусульманской среды»¹. За казаками закрепились репутация надежных агентов для непосредственного и постоянного наблюдения за кочевниками. Именно казаки более всего напоминали людей американского «фронта», «срединной земли» (middle ground), где шел активный процесс взаимообмена культур и рождения новых идентичностей².

Православие и «русскость» в колониционном контексте

Массовое движение крестьян на окраины заставило обратить внимание не только на экономическое, но и религиозно-нравственное состояние русских. Нарастала тревога что русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, может легко поддаться чужому влиянию и утратит связь с коренной Россией. Сохранение «православности» самими русскими на азиатских окраинах вызывало серьезную обеспокоенность со стороны, прежде всего, церковных деятелей. Расчеты на то, что своим примером православные переселенцы привлекут инородцев к христианству, не оправдались. Настораживало большое количество в Сибири раскольников, влияние ислама и ламаизма. Современники отмечали, что при частых и тесных контактах с иноверцами русский человек «и сам стал как-то равнодушнее к своей вере»³. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных

¹ И.д. степного генерал-губернатора Санников – министру внутренних дел, 12 июля 1900 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2952. Л. 137.

² См., например, исследование, в котором используется именно такой подход: Malikov A.A. Formation of a Borderland Culture: Myths and Realities of Cossak -Kazakh Relations in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Dissertation. Santa Barbara: University of California, 2006.

³ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 327.

губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»¹. Постановка столь важной задачи, по мнению правительства, была вызвана сибирскими особенностями: религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов и разнородным этноконфессиональным составом населения. Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русских людей, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской работой в отношении них самих. Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин настаивал на срочных мерах по сближению Сибири с Россией и призывал не жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку «дичать»². В 1894 г. был учрежден специальный фонд имени императора Александра III по сбору средств на постройку церквей и школ для переселенцев. Посетив Сибирь в 1910 г., П.А. Столыпин с осторожным оптимизмом фиксировал рост православных церквей и школ в крае, заключив, что «опасность нравственно-го одичания переселенцев будет менее грозной»³.

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колониальными задачами. С православным миссионерством успешно конкурировала установка расширительного толкования «русскости». Привлекательность национальной устойчивости сочеталась с хозяйственной эффективностью старообрядческих и сектантских колоний, но вызвала опасения с идеологической точки зрения. Имперские власти так и не смогли выработать однозначной позиции в отношении «гонимых за веру», оставив конфессиональный вопрос внутри самой русской нации по сути открытым, предоставив местным властям довольно широкое поле для «усмотрения». Политическая лояльность старообрядцев империи была признана в Северо-Западном крае, Закавказье и на приграничных территориях Азиатской России. Власти не могли не учитывать высокой степени культурной устойчивости старообрядцев и духовоборов в иноэтнической среде, сохранению ими «русскости» в условиях отдаленности от русских культурных центров.

¹ Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м., [1894]. Т. I. С. 116.

² Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107; Д. 202. Л. 37.

³ Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

Хозяйственность и религиозность старообрядцев нередко оценивалась выше, чем у приверженцев официальной церкви¹.

Колонизационные заслуги старообрядцев и сектантов, как «вполне соответствующие условиям и нуждам края» неоднократно отмечались и государственными и общественными деятелями. Хозяйства русских сектантов, как и иностранных колонистов, характеризовались как многопрофильные, что в условиях освоения окраины имело принципиальное значение. Благоприятные хозяйственные условия (много земли арендованной и купленной в собственность) в сочетании с трудолюбивой, трезвой и скромной жизнью, «большей степенью умственного развития, постепенно вырабатывали привычку из малого извлекать возможно большее»². При этом консерватизм религиозной жизни ни в коей мере не распространялся на экономические предпочтения колонистов, и они в новых условиях легко шли на хозяйственную модернизацию, использование машин, освоение незнакомых прежде ремесел. Причины такой предприимчивости наблюдатели видели не только в зажиточности сектантов, реальной взаимопомощи и солидарности однообщинников, но и большей развитости (даже «интеллигентности») в сравнении с колонизатором, приверженцем официальной православной церкви.

Слабость православного колонизатора с точки зрения церкви крылась в его безразличии (индифферентизме) по отношению к религии. Нестабильный в экономическом плане, необразованный переселенец в «состоянии духовного голода» легко попадал под влияние раскольнической или баптистской пропаганды. Все недостатки православных священнослужителей, включая недостаток численный и низкий уровень их проповеднического и полемического таланта («захолустные» батюшки) усиливали угрозу отпадения нестойких верой переселенцев. «В дикой киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект», - отмечалось на междоуведомственном совещании, состоявшемся при степном генерал-губернаторе 21 апреля 1910 г.³.

Особая «интеллигентность» староверов, по мнению различных наблюдателей, была следствием более высокого уровня грамотности и непохожего на великорусский быт и досуг. Даже православные

¹ Всеподданнейший отчет по Томской губернии за 1879 г. // ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17047. Л. 170-171.

² Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И.А. Ливанова (отчет о деятельности миссионеров за вторую половину 1903 и за 1904 г.) // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 17.

³ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 12.

миссионеры вынуждены были соглашаться с тем, что раскольники и сектанты «писание знают и живут хорошо», «русской ругани не слышно и не видно курящих табак» и поэтому, если кто и нуждался в просвещении, так это именно православные. Малокультурность русского православного населения при отсутствии каких-либо школ, курсов или развлечений и отдалении церковного надзора и просвещения приводила к развитию пьянства. «... В казачьи поселки лучше не заглядывать: там и пьянство, и песни, и ругань, и драка, и блудодейство, и убийство, и все это делают православные...» — приводил в своем отчете миссионер И. Ливанов слова сектанта¹.

Невысокий уровень цивилизованности русских переселенцев и старожилов хотя и уменьшал культурную дистанцию между ними и местными народами, воспринимался как фактор, чреватый опасностью утраты самой «русскости». Таким образом, переселение русских крестьян на окраины империи и новое иноязычное и иноверческое окружение становилось серьезной проверкой самих русских на их устойчивую «русскость», приверженность к православию, а социокультурная адаптация могла привести не только к смене идентичности, но и утрате антропологических черт русского человека. Именно в этой связи раздавались голоса об угрозе самому русскому народу, который подвергается «отунгизиванию», «объякучиванию», «отатариванию», «обуриячиванию», «окиргизиванию» и т. д.². Утверждалось уже со страниц влиятельных журналов, что русские в Сибири в результате уменьшились ростом, их физическая сила ослабла, сократилась рождаемость, утрачивают свои нравы и обычаи, веру, язык, переходят «от высшей культуры к более низкой», от земледелия к скотоводству и звероловству, строят вместо изб чумы и т. д.³. И хотя подобное явление не было повсеместным, а заметным лишь в «маргинальных» группах русского старожильского населения вдали от основных массивов их расселения, такая «химерическая этнография»⁴ привлекла общественное внимание и вызвала своего рода панику. Способствовали возбуждению подобных фобий этнографы, среди которых было много ссыльных народников, а, главным образом, областники, которые в поисках этнографической и антропологической специфики сибиряков об-

¹ Омские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 30.

² См. подробнее: Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005. С. 199-227.

³ Новые книги. Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 113.

⁴ Так, в одном из откликов на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» были названы подобного рода преувеличения этнографов и впечатлительных «туристов». См.: К[апус]тин С.Я. Зеркало России // Русская мысль. 1883. № 1.

ратили пристальное внимание на отклонения в русском этнокультурном и антропологическом типе населения. Лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев даже подготовил специальную исследовательскую программу, призывая тщательно собирать сведения и анализировать факторы воздействия инородцев на русских, отмечая случаи физического и умственного понижения уровня последних.

Заключение

Рассмотренные аспекты презентаций и интерпретаций народной колонизации позволяют приблизиться к пониманию, каким образом она оказалась включена в имперские теории и практики «обрусения», в каких плоскостях шло ее обсуждение. При очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяла схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения и стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток. Зауральские территории теперь все чаще именуются Азиатской Россией (и даже — «Русская Азия», «Русский Восток», «Европейская Азия», «Русская Евразия»), постепенно потеснив ранние названия Сибирь и Степь. Ментальные сдвиги в номинации восточных регионов империи, восприятости границы между Европой и Азией, стремление ее сдвинуть к востоку за счет народной колонизации проявлялось и на местном топонимическом уровне, когда на карте азиатских владений империи появляются русские имена, наполненные переплетающимися имперскими, православными и национальными смыслами, как бы повторяя известную триединую формулу «православие, самодержавие, народность».

В результате, для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый, политически перегруженный имперскими и национальными смыслами язык описания. Демонстративно отказываясь признавать за своими азиатскими окраинами колониальный статус, подчеркивая их неразрывную связь с центральной Россией, имперские эксперты и даже их оппоненты оставались в рамках одного дискурса и предпочитали говорить об азиатских окраинах лишь как объекте колонизации. Казалось бы,

рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, однако крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия.

Оптимистические надежды, возлагаемые империей на русский народ в деле создания и укрепления «единой и неделимой» России подверглись серьезным сомнениям и соседствовали с пессимистическими оценками культуртрегерского потенциала казаков и крестьян. С одной стороны, переселенцы часто не считались с нормами традиционного землепользования, а чувство национального и культурного превосходства могло усиливаться государственной поддержкой и пропагандой экономического и культурного доминирования. В их настроениях могли возобладать тенденции внутренней русской национальной консолидации, что усиливалось чувством превосходства, хотя в реальности оно не всегда было подкреплено культурными или экономическими преимуществами. С другой — русские крестьяне-переселенцы часто оценивались как «отсталые», а их «культурное бессилие» ставило под сомнение саму возможность осуществления ими цивилизаторской миссии. Под подозрение попало и казачество, которое обвинялось не только в отсутствии культуртрегерского потенциала, но и даже в утрате самой «русскости». Даже если признать, что масштабы «культурного бессилия» и утраты «русскости» были преувеличены, приходится учитывать, что они серьезно беспокоили имперские власти и пробивали серьезную брешь в их идеологических схемах. Сосуществующие одновременно оптимистические и пессимистические оценки «русской колонизации» в большей степени отражали возможные перспективы «русского дела», нежели его реальное положение в регионе. Опасения и сомнения порождали сложные и дробные характеристики русского населения Азиатской России, но при этом совсем не обязательно делали их более достоверными. Колонизационный аспект «русского дела» на азиатских окраинах вынуждал подвергнуть ревизии не только некоторые установки имперской идеологии, но и расшатывал народнические установки оппозиционной самодержавию интеллигенции.